

Двадцать девятого мая, почти вчера, умерла Валентина Николаевна Катеринич — литературный критик, член редколлегии журнала «Дальний Восток», филолог и латинист.

— Не забывай, — однажды сказала она. — Нас познакомил Поэт. Это — судьба.

Судьбою был Виктор Еращенко. Они излучали счастливую близость по духу: умны, блестяще образованны, столично раскованны, вольнолюбивы. Ласкающая слух латиниста ученость Еращенко сочетала «и малую, и большую родину», книжность и жизненность:

*Стоят мыслители. К их горестным томам
Давно я не испытывал влеченья...*

Дом Катеринич, в который меня в нужное время привел поэт, — я тоже всегда исключаю случайность — представлял собой настоящее книжное море. Почти от порога — огромные стеллажи. Синие тома «Библиотеки поэта», серые тома Достоевского, красные — Маяковского, полосатые — Пруста. Пейзажные зарисовки Алексея Федотова, огромный, но скромно выглядывающий из-за шкафа портрет тридцатилетней (1967 год) хозяйки дома от Нелли Баранчук.

Наутро Учительница позвонила студенту узнать, как я добрался до дома. Я учился тогда в медицинском, пускай и на старшем курсе.

Валентина Николаевна была очень яркой фигурой. Некоторые ее воспоминания, например «Встречи с Вс. Н. Ивановым»: «Он был в возрасте Учителя и Пророка, мне было 24 года...» подверглись серьезным купюрам.

Ее макияж в стиле шестидесятых, с эффектно подчеркнутым контуром глаз, отражал ее женственность вплоть до последних дней.

Шпионские страсти советских времен, которым совсем не положено было щадить ни детей, ни женщин, обожгли ее смолоду, во время учебы на романском отделении Ленинградского университета (итальянский, французский, латынь). Ее начали «вызывать», уговаривали «помочь»: познакомиться с иностранцем, узнать настроение. Закончилось это все решительным бегством от всякой политики на Дальний Восток и еще глубже — в латинский язык медицинского института.

«Латынь, которой я занималась всю жизнь, была своего рода эмиграцией, — говорила она в интервью Светлане Фурсовой. — Однако человеку хочется вернуться к реальности».

После встречи с Еращенко, и совсем уже точно — после кризиса, вызванного его трагической смертью, период затворничества завершился. Повлияло и то, что фактически ей пришлось расставаться с преподавательской деятельностью. Кафедру латинского языка, где она проработала тридцать лет, стала ее главой и доцентом, рас-

шатывали необдуманные реформы. Фактически уже наступил тот период, который сейчас вспоминают как «лихие девяностые».

Семья и друзья Еращенко сделали все, чтобы в этих условиях выпустить по возможности полный сборник поэта. Вместе с Верой и Светой Еращенко мы перебрали архив. Валентина Николаевна стала автором предисловия, Николай Холодок выполнил иллюстрации. Валерий Симаков взял на себя руководство изданием.

После выхода книги я вздохнул с облегчением, но с тревогой смотрел, как «метафизическая болезнь Дон Кихота» начала поглощать Катеринич все больше и больше. Денег ей не платили, но она продолжала писать предисловия к книгам других поэтов, статьи о писателях и художниках, книгу «Двенадцать сюжетов». Вскоре все прояснилось. Эта была не болезнь, но целительное «возвращение из эмиграции».

Востребованная бескорыстная работа приносила плоды. Валентина Николаевна становилась лауреатом премии им. Я. Дьяченко, премии администрации г. Хабаровска в области литературы и искусства. Занималась наставничеством молодых авторов. И несла этот крест сверхъестественного авторитета, но им не злоупотребляла. Некоторых, в том числе и меня, понукала по-дружески к словосложению. И не только вербально. Мудрецы говорят, что спонтанности не существует. Если пишешь — нужна медиация, образец сочинителя внутри головы, чтобы мог он кивнуть, погрозить тебе пальцем, похвалить или в нужный момент показать кулак. К счастью, смерть не касается этих материй.

Катеринич вела переписку со многими литераторами Сахалина, Камчатки, Приморья. Свою новую профессию она называла «литературным краеведением». Это верно, а край в данном случае — вся гигантская окраина нашего Отечества.

В последние годы она подружилась с новой заведующей секцией латинского языка медицинского университета Анастасией Насыровой («Настенька, детка»), которая фактически переехала к ней, помогая справляться со старостью. Силы таяли месяц от месяца. И как тут не вспомнить Пушкина:

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа.*

Валентина Николаевна перенесла инсульт и порой говорила сквозь слезы. Но она говорила о том, что родилась под счастливой звездой, потому что имела друзей.

Утрата — процесс взаимный. Без Валентины Николаевны пустеют фойе филармоний, музеев, театров и выставок. Подобным же образом сразу немеют спортивные игры без голоса комментатора или парады без диктора.

Большая Вселенная, мир многочисленных связей и дружб вращался вокруг нее, этой женщины, которая затем превратилась в бабушку. Я — по своей недалекости — водил ее больше в кинотеатры. Приятно было смотреть, как она погружается в транс, надевая 3D-очки. Когда мне случалось отсутствовать, функцию гида в порочную индустрию современного кинематографа исполняла моя жена — Светлана.

Разумеется, мощный всплеск гравитации в этой Вселенной порождал день рождения Валентины Николаевны. В праздничном хороводе в разные годы объединялись Николай Холодок и Артем Иванов, Тамара Савельева, Григорий Юзефович, Эдуард Корчмарев и другие. Особый обряд — к удовольствию всех, кто заглядывал к ней в этот вечер — заключался в гадании из мешочка с латинскими афоризмами. Каждый субъект мог рассматривать их как предсказания.

В моем органайзере — настольной подставке для ручек — в отделе визиток нашелся последний мой жребий — маленький, сложенный вчетверо листик, с римскими цифрами MMVI — 2006. Это — год, когда данная запись попала в волшебный реестр, а год извлечения — другой вопрос. Коллекция «прорицаний» обновлялась по мере расходования.

Внутри — красными чернилами: Omne nimium nocet. И черными чернилами: Все излишнее вредно.